

## МУЗЫКА, СЛУШАТЕЛЬ, XX ВЕК



Коленопреклоненная фигурка Орфея — главный приз международного фестиваля эстрадной песни «Золотой Орфей», который стал уже традиционным в Болгарии. Всего пять раз из одиннадцати вручался этот приз, и из них два раза — советским певицам. Сначала его привезла в Ленинград Мария Пахоменко, а затем этой чести была удостоена Алла Пугачева — исполнительница, о которой газета «Правда» писала, что она «не просто певица, но и актриса, она видит в песне кусочек жизни. Исполненные ею произведения сюжетны, наполнены глубоким смыслом».

Алла Пугачева приехала на несколько дней в Ригу. Ее пригласило «на запись» Латвийское телевидение, где готовится передача, посвященная творчеству певицы. Предлагаем вашему вниманию беседу с известной певицей.

— Алла Борисовна, те, кто давно следит за вашим творчеством, вправе считать, что ваша судьба на эстраде складывается весьма нелегко: ведь признание — в полном смысле этого слова — пришло к вам только после десятилетних поисков. Так ли это на самом деле?

— Да, действительно. Двенадцать лет назад я впервые вышла на эстраду в программе известных артистов А. Лившица и А. Левенбука. Я бы не назвала эту попытку успешной: профессиональный уровень был у меня тогда весьма низок, я боялась микрофона, и только какое-то чутье, природные, как мне говорили, данные позволяли мне существовать на эстраде. Но ведь есть законы сцены, которые непреложны для каждого актера. Я их тогда не знала и потому решила, что в данный момент на эстраде мне не место. Поступила учиться в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова, продолжала петь, но так, чтобы никто не видел, никто не слышал; чуть ли не до ночи оставалась в классах (благо,

я жила рядом с училищем). Пыталась петь лирические, красивые, казалось бы, песни, и получалось все вроде бы правильно, но это было что-то не мое. Вот тут как раз и появился тот самый барьер, который надо было либо переступить (а тогда у меня еще не хватало для этого мастерства и опыта), либо не переступать, а ждать того момента, когда я творчески подрасту. Ведь если бы мой «Арлекино» появился тогда, двенадцать лет назад, — его бы, наверное, не приняли. А «Арлекино», исполненный Эмилем Димитровым, был написан и спет как раз в стиле того времени. Однако времена меняются — и теперь та же самая песня может исполняться в другой манере и вообще нести в себе другое мироощущение. А в ту пору, понимаете, — не мое было время, и мне как-то хватило сил почувствовать это.

— Скажите, а сейчас вы удовлетворены своей актерской судьбой?

— Отчасти. Вы знаете, в последнее время я вдруг почувствовала, что те цели, которые я перед собой ставила, начинают осуществляться. Я всегда стремилась к тому, чтобы люди, которые приходят на мой концерт, уходили с него в хорошем настроении. Они могут погрузиться вместе со мной, повеселить-



## ИНТЕРВЬЮ «СМ»

НЕ ИМЕЮ  
ПРАВА ОШИБАТЬСЯ

ся, но я хочу им понравиться. Как гостеприимная хозяйка. Я хочу, чтобы они вышли — и сказали: «Как приятно было в гостях у Аллы Пугачевой». И сейчас у меня в этом смысле появилось спокойствие, что ли, от сознания того, что я на верном пути, что не зря эти десять лет я от многого отказывалась, чтобы в конечном счете обрести на эстраде свою творческую индивидуальность.

— Как бы вы определили направление своих творческих поисков?

— Меня привлекают прежде всего песни с драматическим сюжетом, в которых можно было бы раскрыться и как певице и как актрисе. Сейчас таких песен пишется чрезвычайно мало. Один «Арлекино» не может все решить. И потому главное, чем я сейчас занимаюсь, — это выбор репертуара, который бы соответствовал моему творческому кредо.

— Подавляющее большинство эстрадных певцов стремится пронести через свое творчество вполне определенный образ лириче-

ского героя, и какие-либо отклонения в этом смысле являются исключениями, которые лишь подтверждают правило. У вас, судя по всему, этот процесс идет совершенно иначе. В каждой песне вы стремитесь к перевоплощению. Не мешает ли это формированию и сохранению творческой индивидуальности?

— Почти все время мне это мешало. Ведь я придерживалась мнения, что сама песня должна определять

ни, которые близки мне и которые я могу донести до слушателя. А уж это его дело — принять или не принять. Но обычно зритель принимает ту песню, в которой нет ни грама фальши.

— Алла Борисовна, расскажите, пожалуйста, о своей закадровой работе в кино.

— Все началось с фильма Павла Арсенова «Король-Олень». Надо прямо сказать, что первая работа в кино далась мне нелегко. С музыкальной точки зрения, это вроде бы и удача, ибо по настроению все получилось совершенно точно. А вот по актерскому воплощению характера кто-то из нас допустил неточность: либо я, либо исполнительница роли Анжели актриса Малявина. Когда я записывала вокальную партию Анжели, еще не было никакого отснятого материала, и мне, в некотором роде, пришлось работать вслепую. Более всего я ориентировалась на композитора: Микаэл Таривердиев расписал мне буквально в каждой песне что и как нужно делать. Наша Анжела была инфантильной и подчас капризной принцессой. Представление об образе героини у Валентины Малявиной поначалу тоже укладывалось в такие рамки. Эта актриса обладает очень своеобразным тембром голоса, и я пыталась максимально приблизиться к нему. В результате пела не своим голосом. Словом, получилось то, что было нужно композитору, но не совсем то, что нужно было для фильма. Потому что, как выяснилось в ходе съемок, режиссер видел в Анжеле натуру резкую, настойчивую, прямолинейную...

— Зависит ли трактовка песни от состава аудитории? Что больше влияет на ее интерпретацию: ориентация на определенное слушателя или какие-то ваши внутренние причины?

— Как правило, на какого-то определенного слушателя я не ориентируюсь. Если бы, например, на моем концерте присутствовали только физики-атомщики или только студенты первого курса МФТИ... Но ведь так не бывает... В зале сидят всегда люди разные, и если я буду компоновать репертуар по вкусу какого-то одного человека, другим это будет не интересно. Поэтому прежде всего я пою те пес-

ня, которые близки мне и которые я могу донести до слушателя. А уж это его дело — принять или не принять. Но обычно зритель принимает ту песню, в которой нет ни грама фальши.

— Как вы считаете, бывают ли у вас творческие неудачи?

— В последнее время у меня, кажется, идет полоса удач. Но я — человек в общем-то суеверный, и никогда не загадываю, что будет завтра. Я глубоко убеждена в том, что успех нельзя эксплуатировать: чаще записываться на радио, сниматься на телевидении. Я стремлюсь к тому, чтобы зрители и слушатели радовались не столько встрече со мной, сколько с моей новой работой, о которой могли бы сказать: «О! Молодец Пугачева! Опять интересной». Вот чего я хочу добиться, а не того, чтобы скорее стать популярной. А в принципе — залог всех удач и неудач, разумеется, — в выборе репертуара. Здесь я попросту не имею права ошибиться.

— И последний вопрос. Кто из советских и зарубежных вокалистов наиболее близок вам по духу и характеру исполнения?

— Сложно это все. Ну, начнем с того, что моей начальной школой были песни Клавдии Ивановны Шульженко. Из современных исполнителей как «голосовая» певица мне нравится София Ротару. Она не близка мне по своим творческим устремлениям, но я считаю, что она занимает достойное место на эстраде. Из зарубежных вокалистов мне близки Катярина Валенте, Барбара Стрейзанд, французские шансонье. Но идеалом для меня была и остается Эдит Пиаф. Слушая ее песни, я постоянно ловлю себя на ощущении, что это моя мать — настолько я понимаю, что она делает, что она хочет сказать, мне это так близко, что просто мороз по коже... И, вы знаете, очень близка мне Руслана. Видите, какие в общем-то разные люди. Каждый поет разное, каждый поет по-своему, но близки они мне не по репертуару и не по манере, а по отношению к своему делу. По духу.

— Спасибо за беседу.  
М. АНЦЫФЕРОВ.